

РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ

УДК 340.115

ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ КОНТЕКСТУАЛИЗАЦИЯ:

Рецензия на книгу “Contextualising legal research: a methodological guide” (S. Taekema, W. Van Der Burg). Cheltenham : Edward Elgar Publishing, 2024. 311 p.

М. А. Беляев

*Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)*

Поступила в редакцию 1 марта 2024 г.

Аннотация: в статье дана развернутая характеристика Методологического руководства по контекстуальным исследованиям права, изданного в 2024 г. под авторством двух профессоров права из Нидерландов. Исследована тематическая структура Руководства, потребности, вызвавшие его к жизни, особенности его подготовки, артикулированы основные проблемы юридической методологии и перспективы междисциплинарных исследований юридических доктрин.

Ключевые слова: юридическая наука, правовая доктрина, методология, юридическая практика, истина, понимание правовых текстов, междисциплинарные исследования, контекст.

LEGAL RESEARCH AND ITS CONTEXTUALIZATION:

Review of the book “Contextualising legal research: a methodological guide” (S. Taekema, W. Van Der Burg). Cheltenham : Edward Elgar Publishing, 2024. 311 p.

M. A. Belyaev

Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (MSAL)

Abstract: the article provides a detailed description of the Methodological Guide on Contextual Legal Studies, published in 2024 under the authorship of two law professors from the Netherlands. The author gives an overview of the thematic structure of the Methodological Guide, the needs that brought

© Беляев М. А., 2025

it to existence, the features of its training, the main problems of legal methodology, and the prospects for interdisciplinary research of legal doctrines.

Key words: legal science, legal doctrine, methodology, legal practice, truth, understanding of legal texts, interdisciplinary research, context.

В прошлом году в свет вышло Методологическое руководство по контекстуальным исследованиям права (издательство Э. Эльгара), авторами которого являются два профессора Университета им. Эразма в Роттердаме (Нидерланды) – Санне Тэкема и Вибрен ван дер Бург. Как отмечено в предисловии, книга является обобщением более чем двадцатилетнего преподавательского опыта авторов и предназначена для тех обучающихся, которые хотят научиться интегрировать собранные эмпирические данные в свое первое самостоятельное теоретическое исследование¹. Именно практическая ориентация руководила авторами при написании текста: с их точки зрения, дискуссия о методах юридического исследования более всего полезна для изучения доктринальной стороны права, но, кроме того, может иметь и практическое применение. Авторы полагают, что доктринальное исследование в юриспруденции может и должно быть междисциплинарным. Не отказывая юриспруденции в наличии собственных методов, они выдвигают идею о включении узкого набора правовых исследовательских стратегий в широкий гуманитарный контекст.

Книга состоит из четырех частей, включающих 14 глав. Первая часть названа «Доктринальное исследование». Первая глава носит вводный ха-

¹ При написании книги авторы использовали собственные ранее опубликованные работы. Мы приводим их здесь, чтобы желающие могли ознакомиться с отдельными идеями, представляющими самостоятельный методологический интерес. К тому же книга, о которой идет речь в рецензии, может быть не всем доступна. *Taekema S. Relative Autonomy: a Characterization of the Discipline of Law // Law and Method. Interdisciplinary Research into Law / Bart van Klink & Sanne Taekema (eds.). Tübingen, 2011. Pp. 33–52; Idem. Theoretical and Normative Frameworks for Legal Research: Putting Theory into Practice // Law and Method. 2018. Pp. 1–17; Taekema S., van der Burg W. Legal Philosophy as an Enrichment of Doctrinal Research. Part I, Introducing Three Philosophical Methods // Law and Method. 2020. Pp. 1–20. DOI:10.5553/REM/.000046; Idem. Legal Philosophy as an Enrichment of Doctrinal Research. Part II, The Purposes of Including Legal Philosophy // Law and Method. 2022. Pp. 1–19. DOI:10.5553/REM/.000065; Van der Burg W. Law and ethics: the twin disciplines // Law and Method. Interdisciplinary Research into Law / Bart van Klink & Sanne Taekema (eds.). Tübingen, 2011. Pp. 175–194; Idem. The Need for Audacious Fully Armed Legal Scholars: Concluding Reflections // Facts and Norms in Law. Interdisciplinary Reflections on Legal Method / Sanne Taekema, Bart van Klink & Wouter de Been (eds). Cheltenham, 2016. Pp. 265–286; Idem. The Merits of Law: An Argumentative Framework for Evaluative Judgements and Normative Recommendations in Legal Research // Archiv für Rechts und Sozialphilosophie. 2019. No. 105(1). Pp. 11–43; Idem. From Ethical Analysis to Legal Reform: Methodological Reflections on Ethical Transplants in Pluralist Contexts // De Ethica. 2022. No. 7(1). Pp. 41–59. URL: <https://doi.org/10.3384/de-ethica.2001-8819.227141>*

рактический и содержит общие рассуждения об исследовательских методах, используемых в процессе познания права. Авторы отмечают, что студентам-юристам не везет по сравнению с другими студентами, так как университеты слишком редко заботятся о развитии у них навыков подготовки самостоятельного научного исследования. Специальные курсы предусмотрены лишь учебными планами аспирантуры, да и то не в каждом университете. Но в таком случае непонятно, когда же будущему исследователю стоит начинать тренироваться. Авторы настаивают на полной аналогии между подготовкой юриста к практической работе путем вовлечения в реальную деятельность и проведением научных исследований. Лишь последние 10–15 лет ситуация в определенной мере исправляется, возникают специальные курсы и тренинги, издаются соответствующие пособия различного объема и глубины охвата материала. В качестве причин положительного сдвига (речь идет именно о Нидерландах) называется широкое распространение грантовых проектов по всем социальным и гуманитарным дисциплинам. Выдача грантов, как известно, проходит на основе конкурса, и умение заполнять методологический раздел заявки начинает играть важную роль. Вторая причина состоит в том, что юридические исследования всё чаще носят коллективный характер. Множественность авторов и необходимость корректного распределения исследовательского труда между ними обуславливают методологические размышления, предшествующие реализации поставленных перед коллективом задач. Естественно, коллективность рано или поздно перетекает в междисциплинарность, где потребность в рефлексии значительно выше. Еще один чрезвычайно важный тезис, выдвигаемый авторами, заключается в различии знания и понимания. Коль скоро юридические исследования имеют дело с контекстом существования и применения нормы, одним лишь знанием субъекты ограничиться не могут, требуется понимание правовой системы в целом, а если речь идет о научном исследовании – понимание правовых доктрин. Обратим внимание на методологический, т.е. операциональный характер понимания, о чем в свое время мы тоже говорили в контексте названного выше различия². Приемы познания и приемы понимания в юридических исследованиях никогда не совпадают, но одинаково важны для любого итогового результата, вне зависимости от прагматической ориентации использующего эти приемы субъекта. Показательно, что авторы, рассматривая связность и непротиворечивость вывода как идеал понимающего отношения к праву, обращают внимание на различие исследовательских позиций судьи и чистого теоретика: в первом случае связность выступает

² См.: Беляев М. А. Научное познание права: генезис и эпистемологическая специфика : дис. ... канд. филос. наук. Воронеж, 2009. С. 104–108.

необходимым качеством выводов, во втором – лишь желательным, но не обязательным.

Вторая глава «Относительная автономия. Характеристика юридической доктрины» перечисляет основные особенности юридической науки, качественно выделяющие ее среди иных наук социально-гуманитарного цикла. Это: тесная связь с юридической практикой и вытекающий отсюда комментаторский характер исследований; сочетание описательных и нормативных рассуждений; наличие так называемой «внутренней перспективы» и использование герменевтических методов. Последнее органично следует из нацеленности на понимание, о чем было выше, что же касается перспективы, подразумевается, что высокое качество доктринального исследования очевиднее всего просматривается в связи с возможностью применить полученные знания на практике, т.е. либо в правотворчестве, либо при обосновании властных решений посредством права. Внешняя оценка качества доктринального исследования также не отрицается, но ее эффективность может быть невысока.

Третья глава «Методы доктринального исследования» последовательно анализирует специфику целей юридического исследования, описательной части научной работы, постановку исследовательских вопросов, методы сбора материалов, интерпретации, реконструкции и критического анализа. Показательно, что авторы различают описательные цели и нормативные, обобщая первые собирательным термином «реконструкция». Помимо реконструкции в качестве описательных целей могут фигурировать: сравнение, объяснение, оценка и рекомендация. В главе, к сожалению, ничего не сказано о взаимосвязи этих целей. С нашей точки зрения, очевидной будет неполнота такого сравнения, которое изолировано от объяснения *et vice versa*. В действительности все описательные цели едины и могут быть лишь условно противопоставлены объяснению, а оно, в свою очередь, может быть и нормативным. По-видимому, то, что для философии и методологии науки кажется очевидным, не рассматривается юристами-методологами как бесспорное³. С другой же стороны, методы описания разнятся с методами объяснения, в первых особую роль играет наблюдение или работа с текстами, во вторых – логика и отчасти интуиция.

Четвертая глава «Теоретические и нормативные рамки юридического исследования» содержит весьма полезную многомерную оценку роли теоретического знания в юриспруденции. Авторы, констатируя неправомочность отождествления научности и теоретичности (здесь с ними стоит безоговорочно согласиться), предлагают пользоваться более точ-

³ О позиции философов см. классическую работу: *Hempel Carl G., Oppenheim P. Studies in the Logic of Explanation // Philosophy of Science. 1948. No. 15(2).*

ным понятием «теоретической рамки» (theoretical framework). Отличие теоретической рамки от теории заключается в том, что, во-первых, она не претендует на всеобщность, т.е. ее объяснительные возможности ограничены. Во-вторых, работа с теоретической рамкой не предполагает получения всего множества возможных следствий из аксиом теории, поскольку такое знание непрактично в силу избыточности (для юриспруденции важно не производить сущностей без необходимости). Теоретические рамки могут быть объяснительными или нормативными, как мы видим, для авторов это различие универсально и на всём протяжении книги встречается многократно, но не нуждается в особых пояснениях. Важно иное: в диссертационных исследованиях на Западе часто не принято разделять теоретические и прикладные работы, скорее, в рамках одной работы требуется оформить теоретическую часть, а затем и прикладную. Предназначение теоретической рамки – связать исследование с текущим положением дел в предметной области. В нашей исследовательской культуре речь могла бы идти скорее об обзоре научной литературы. Рамки могут быть внутренними, когда анализируется состояние именно системы права, и внешние, когда характеризуется правосознание и правовая культура, а также правопорядок как динамическое образование.

Пятая глава «Методы исследования права в контекстах» для первой части книги центральная, именно в ней перечисляются формы контекстуализации правовых исследований: установление предыстории проблемы, ее социального, политического, морального, научного измерений. Контекстуальное вхождение может быть поверхностным, в этом случае используются лишь данные из других дисциплин, и глубинным – тогда к данным присоединяются еще и методы. Право можно изучать эмпирически, тогда у него будет одно контекстное окружение, и текстуально – тогда окружение поменяется. Очевидно, текстуальное представление права настоятельно требует лингвистической методологии, если только речь не идет о переводе юридических текстов на машинный язык. Авторы делают две важные оговорки. Первая: различие между текстом права и его контекстом не всегда является достаточно определенным. Вторая: рассмотрение нетрадиционных (для данной правовой семьи) источников права уже представляет собой первичную контекстуализацию исследования. Также авторы предлагают некую градацию контекстов по степени их распознавания исследователем: легче всего распознаются эмпирические контексты, сложнее всего – теоретические, где-то посередине между ними находятся контексты нормативные. Среди эмпирических контекстов наиболее важными являются социально-политические, экономические, исторические и практические (поведенческие). Задача работы с теоретическими контекстами состоит в том, чтобы определить

происхождение той или иной идеи, используемой в доктринальном рассуждении. Нормативный контекст подразумевает в первую очередь мораль, хотя это не согласуется с позицией тех авторов, которые считают моральные принципы частью права или правосознания.

Вторая часть книги называется «Междисциплинарное доктринальное исследование». Напомним, что авторы проводят границу между включением в правовые исследования одних только результатов, полученных в пределах иных дисциплин, либо же как результатов, так и методов. Шестая глава посвящена перспективам междисциплинарных доктринальных исследований. Существуют различные способы включения вспомогательных дисциплин в исследовательские проекты в области права. Это зависит от того, каков характер данных, требуемых в той или иной ситуации. К примеру, социологические данные могут иметь важное значение при изучении закономерностей реализации норм налогового права, но эта же проблематика может использовать данные экономического анализа либо психологии (если поставить задачу по изучению того, что в отечественной традиции называется деформациями правосознания). Авторы отмечают, что наиболее интересными выглядят сочетания эмпирических данных и философских суждений, правда, умалчивают о продуктивности такого сочетания. С другой стороны, философия права сама по себе – довольно почтенный пример междисциплинарных исследований, давно уже обладающих и предметом, и методологией, и системой общепризнанных авторитетов. Показательно, что авторы не имеют возможности провести границу между контекстуальными и междисциплинарными исследованиями, ведь трудно определить, в какой момент контекст превращается в источник данных, необходимых для основного исследования. Те же деформации правосознания могут служить индикатором успешной или безуспешной правовой политики, проводимой правоохранительными органами, но возможна иная ситуация, при которой конкретные показатели и их распределение будут принципиально важными для юридического исследования (хотя последнее в этом случае, вероятно, утратит свой доктринальный характер). Помимо содержательной взаимосвязи, взятой как гипотеза, которую еще предстоит опровергнуть или подтвердить, авторы указывают на необходимость в междисциплинарном исследовании в случае, если почерпнутая из дополнительных источников информация оказалась противоречивой, т.е. ни одну часть собранных данных невозможно использовать без проверки оставшихся частей. Тогда, очевидно, требуется отдельная исследовательская работа. С нашей точки зрения, речь может идти только об эмпирической информации, поскольку теоретические противоречия могут не приниматься во внимание, если они не составляют тематического ядра для данного науч-

ного проекта, а нормативные расхождения преодолеваются не концептуально, но с помощью коллизионных предписаний, что опять-таки не требует выхода за пределы юридического дискурса.

Седьмая глава называется «Оценки и рекомендации». Авторы отмечают, что в большинстве исследований, если таковые выполнены в форме журнальных статей, лишь 10 % посвящены оценочным суждениям. Изучение какого-либо правового института завершается утверждением о том, хорош ли действующий закон, и, если нет, какие доработки данного закона могут быть рекомендованы. Несмотря на то, что речь идет действительно о скромной (хотя и обязательной) части научного текста, сама методология оценочных и рекомендательных суждений не разработана должным образом. Оценка предполагает учет всех положительных эффектов и побочных отрицательных последствий введения той или иной правовой нормы. Оценочные суждения базируются на критериях, а критерии должны быть ранжированы, поскольку довольно часто позитивный эффект, определенный относительно малозначительного критерия, не перекрывает негативный эффект, чей критерий более значим. Кроме того, важно дифференцировать рекомендации: одни из них касаются формулировок нормативных правовых актов, другие – действий органов исполнительной власти, третьи – судебной практики и т.д. Здесь же рассматривается структура оценочных аргументов, связь ценностей и оценочных суждений, вводится понятие операционализации ценностей и рассматриваются способы перехода от оценок к практическим рекомендациям («практический» здесь тождественно «нормативному»).

Восьмая глава посвящена проблемам междисциплинарных исследований и названа аналогично. В процессе использования неюридических знаний в исследовании правовых вопросов возникают типичные затруднения, которые группируют и анализируют авторы. Во-первых, трудность представляет интеграция неюридических исследований в доктринальное исследование правовых проблем. Предлагаются три модификации – простое включение результатов, их перевод с языка одной дисциплины на другую и трансформация, т.е. переработка на внелингвистическом уровне. Во-вторых, известные затруднения возникают в ходе совместной работы с представителями других наук, об этом авторы тоже ведут разговор в данной главе. Сформулированные рекомендации касаются приглашения специалистов из иных отраслей науки в состав исследовательского коллектива или в статусе соруководителя при написании диссертации PhD, опубликовании итогов совместных исследований и мн. др.

Девятая глава называется «Методологические разработки» и посвящена так называемому «дизайну» научного исследования, т.е. действиям по проектированию научной работы доктринального типа в области

права. Понятием «дизайн исследования» авторы охватывают как планирование работы с точки зрения видов деятельности, сроков выполнения каждого этапа работ, так и учет финансовых и иных материальных затрат (сколько нужно потратить на посещение конференций? Сколько – на работу в библиотеках?). Даны рекомендации относительно правильного выбора темы, оценки современного состояния изучаемой области, постановки исследовательских задач и т.д. Примечателен параграф 9.3, посвященный принципу гибкости в реализации проекта. Предположим, говорят авторы, что по вашей теме кто-то опубликовал обобщающую работу. Станет ли это поводом поменять тему исследования? Конечно, нет, ведь в таких публикациях проделали работу по сбору данных, но публикация данных – не то же, что публикация научного анализа. Но даже если такой анализ кем-то уже дан, вы всегда можете предложить альтернативный подход. Умение видеть такие альтернативы и называется принципом гибкости в исследованиях.

Третья часть книги называется «Право и гуманитарные науки». Десятая глава «Право и гуманитарные исследования» начинается с уточнения терминологии, отсылая читателей, как это часто принято, к предложенному В. Дильтеем разделению наук на науки о природе и науки о духе. В число последних авторы включают философию, теорию аргументации, историю, лингвистику, литературоведение, культурологию. Также довольно традиционной оказывается попытка разграничить социальные и гуманитарные науки с точки зрения их предмета исследования. Понятно, что провести такое разграничение вполне возможно, но как быть с юридическими науками в плане определения их принадлежности? Найдутся аргументы в пользу юриспруденции как социальной науки, но чисто исторически право всегда тяготело к гуманитарному комплексу дисциплин, который, если брать университетский контекст, намного старше и социологии, и политологии, и экономической теории, словом, всех основных социальных дисциплин. Впрочем, если иметь в виду сугубо практическую ориентацию книги, подобного рода неопределенные типологии не мешают достижению авторских целей. Авторы довольствуются общим замечанием: любую гуманитарную дисциплину можно объединить с юридической наукой под флагом междисциплинарного исследования. В качестве иллюстрации приводятся исследования, выполненные под маркером «Право и литература». К сожалению, авторы обходят стороной вот какую проблему: не претерпевает ли предмет исследования юридической науки дополнительного и не всегда необходимого истолкования в связи с включением гуманитарного знания в состав научного исследования? Действительно, право можно рассматривать как род литературы (или вид нарратива), но в таком слу-

чае сложная онтология правовой системы теряет многоуровневый характер, распадается на ряд непересекающихся плоскостей: плоскость норм, плоскость юридических фактов и т.д. В этом, на наш взгляд, существенная разница между привлечением гуманитарной методологии и технической: во втором случае перетолкования сущностных элементов не происходит, так как технические приемы на это и не претендуют. Теория же литературы или поэтика нарративов именно поглощают право и десубстанциализируют его, оставаясь, как и положено им, безучастными к тем принципам, которые составляют основу права. Завершается десятая глава интересным тезисом о пользе гуманитарных наук для развития воображения и, соответственно, пользе воображения для правовой практики. С этим трудно не согласиться, учитывая, какие сложные решения порой должны принимать судьи и чиновники. Безусловно, сложность решений коррелятивна их неопределенности, в связи с чем и требуется нестандартное видение ситуации. К сожалению, о конкретных способах развития воображения у доктринальных исследователей авторы ничего не пишут.

В одиннадцатой главе анализируется философия права как область, обогащающая доктринальные исследования. Довольно традиционно рассматривать философское знание, учитывая, что оно и само представлено в первую очередь в форме доктрин или учений, предложенных кем-то в какой-то период времени. Авторы рассматривают три философских метода (делая это в отрыве от производящего данные методы контекста): анализ аргументации, анализ личности автора и рефлексия. Также в главе представлены семь целей, которым может служить философия, если к ней обращаются правоведы: прояснение отдельных понятий, реконструкция основополагающих ценностей и принципов, построение теории, открытие новых перспектив для творчества, критика отдельных частей исследования, оценочные суждения, рекомендательные суждения. Из содержания главы не совсем понятно, идет ли речь о задачах всякого исследования, – на что намекают сами их названия, или же только тех, где право исследуется в контексте. Скажем, возможно ли заниматься строго догматическими вопросами и при этом строить теорию, не прибегая вовсе к философским знаниям? С нашей точки зрения, философию следовало бы рассматривать в двух аспектах – как всеобщую методологию (и тогда ее применение не образует междисциплинарности и даже контекстуальности) и как систему учений о мире и человеке. А коль скоро данные учения в полном своем объеме для правового исследования не обязательны, то построение такой комплексной теории действительно требует более широкого философского контекста, в котором будут элементы не только методологии, но и идеологии.

Двенадцатая глава называется «Право и этика: углубление нормативных аргументов». Уже из названия ясна авторская позиция относительно сходства и различия правовых и этических суждений. Действительно, в обоих случаях аргументы носят нормативный характер, правда, дискуссионной будет оценка действительной роли моральных аргументов в правовом исследовании. Как уже неоднократно было сказано, доктринальная научная работа имеет выход на практику, в том числе через оценки и рекомендации. Не исключено, что мораль в данном случае будет выступать дополнительным фильтром, сужающим разнообразие оценочных и рекомендательных суждений. Это не призыв вернуться к «чистому учению о праве» и блюсти эту чистоту далее, но может значить, что не все исследовательские задачи, в которых предметом выступают правовые явления, нуждаются в контекстуализации через мораль. Авторы отмечают, что этические аргументы работают на уровне вопроса «Что следует делать?», если этот вопрос задан от первого лица, но никакой ответ не может быть тривиально распространен на неопределенное множество лиц, поскольку тогда из области морали мы с необходимостью выйдем в сферу политики, а последняя, в свою очередь, всегда стремилась обрести автономию от нормативных предписаний подобного вида. Другими словами, наше предположение о необходимости ограниченного использования моральных аргументов в юридических исследованиях получает свое подтверждение.

Тринадцатая глава посвящена теме «Право и литература», по нашему мнению, наиболее относящейся к предмету контекстуального юридического исследования. По сути, язык выступает в этих исследованиях как сущность, уравнивающая между собой все тексты, адресованные одними персонами другим. Восстановить контекст того или иного юридического решения всегда можно с опорой на языковые конструкции, поскольку принцип правовой определенности сам требует указания в юридическом документе всех обстоятельств, имеющих значение для дела. Таким образом, прикладное значение исследований языка права велико и несомненно, о чем писали разные авторы еще в советскую эпоху. С другой стороны, на право и литературу можно посмотреть как на способы создания воображаемых (возможных) миров. Любая цепочка норм, ведущая к силлогистическому умозаключению, очень похожа на сюжетную линию в повести или романе, другое дело, что читатель романа обычно имеет дело с целой системой таких линий, тогда как нормы права предоставляют возможность отслеживания любого логического перехода от одного звена к другому. Поэтому-то герменевтический метод в правовом исследовании намного проще в применении по сравнению с областью филологии. Что же касается риторики (ее авторы рассматривают сразу после

герменевтики), она правовой практике вовсе не чужда и образуемый ею контекст исследуется довольно давно и не без успехов как в зарубежной науке, так и в отечественной.

Четвертая часть, заключительная, состоит из четырнадцатой главы «Использование междисциплинарных доктринальных исследований для реформы законодательства». Под реформой авторы понимают преднамеренные правовые изменения, при этом нужно отличать исследования, имеющие отношение к правовой реформе, от исследований, нацеленных на правовую реформу (т.е. аналитически обеспечивающих ее). Среди имеющих отношение к правовой реформе исследований преобладают ретроспективные, среди второй группы исследований, как и ожидается, преобладают перспективные. Авторы замечают – и здесь с ними спорить невозможно, – что методологически перспективные исследования труднее ретроспективных, поскольку во втором случае достаточно лишь сконструировать систему оценочных суждений, тогда как в первом случае необходимы еще и рекомендации (это не говоря о том, в каких сложных логических отношениях могут находиться между собой рекомендательные и оценочные суждения). Главное требование для рекомендаций, с точки зрения авторов, – это их прозрачность, т.е. пригодность к употреблению вне сложных комментариев и пояснений. Иными словами, предлагается в качестве наилучшего финала контекстуальных юридических исследований рассматривать суждения, понятные широкому кругу реципиентов без всякого контекста. На первый взгляд парадоксальный тезис, но рассматриваемый как идеал, а не реальный итог доктринальных штудий, он уже не кажется таким экстравагантным. Во всяком случае, сами авторы поясняют, что каждый вывод становится прозрачнее (понятнее), если его приводить вместе с тем контекстом или точкой зрения, в рамках которых он был получен. Идея авторов заключается в том, что прозрачность любого практического предложения в области правовой реформы можно обеспечить методом триангуляции, когда каждая точка зрения, влияющая на конечный вывод, имеет либо эмпирическое, либо нормативное, либо теоретическое содержание. Всё многообразие позиций может быть сведено к этим трем перспективам – таково главное предложение авторов, практически завершающее основную часть книги. Кроме общих тезисов в главе приводится пояснение о том, как применить метод триангуляции при оценке принципа верховенства права с точки зрения его реального действия в ряде западных стран. Завершается книга обширной библиографией по методологии правовых исследований. Библиография эта довольно велика и содержательна, и с нашей точки зрения, она заслуживает самостоятельного изучения, тем более что русскоязычных аналогов этой подборки не найти.

Подведем итоги данного развернутого обзора. Во-первых, проблематика комплексных юридических исследований по-прежнему актуальна как с точки зрения методологии, так и в контексте преподавания, т.е. частной методики, реализуемой при передаче знаний от поколения к поколению. Во-вторых, поскольку юридическая деятельность сама в значительной степени дифференцирована, основным источником сложности контекстуальных исследований является множество перспектив, исходя из которых или стремясь к которым, подбираются аргументы. Очевидно, что правоохранительная деятельность предполагает несколько иное сочетание моральных и правовых принципов, нежели деятельность правозащитная и т.д. В-третьих, очень ценно проводимое авторами (когда явно, когда скрыто) различие знания и понимания в отношении права как системы и окружающей его среды. Суть этого различия состоит в том, что эффективность доктринального исследования зависит от существенно различных условий. Контекст чистого знания предполагает движение к истине, понимаемой в духе Аристотеля, как соответствие высказывания своему предмету. Контекст понимания предполагает движение к определенной ценности, благу, и только понимание дела делает возможным оценочные и рекомендательные суждения. Наконец, предлагаемая авторами итерация, т.е. повтор формально одинаковых познавательных действий, возможна лишь как чередование ориентации на истину и ориентации на благо в процессе развития правовой доктрины. В общем и целом, как уже говорилось, речь идет о функциях действующего субъекта, и, если последнему необходимо отказаться от чистого познания ради включения нового контекста, – это является столь же допустимым, как и кельзеновское стремление «очистить» учение о праве от всего наносного и внешнего. Не культурой, не языком и не сознанием объясняется множественность методов и исследовательских перспектив, а одной лишь практикой, в которой само право поочередно играет роль то предмета исследования, то предмета преобразования. Учитывая это, стоит говорить о большом пропедевтическом значении данной книги и рекомендовать ее для использования всем, кто хочет превратить изучение права в более осознанное и одновременно плодотворное занятие.

Библиографический список

- Беляев М. А. Научное познание права: генезис и эпистемологическая специфика : дис. ... канд. филос. наук / М. А. Беляев. – Воронеж, 2009. – 190 с.
- Hempel Carl G. Studies in the Logic of Explanation / Carl G. Hempel, P. Oppenheim // Philosophy of Science. – 1948. – No. 15(2). – Pp. 135–175.

Taekema S. Legal Philosophy as an Enrichment of Doctrinal Research. Part I, Introducing Three Philosophical Methods / S. Taekema, W. van der Burg // *Law and Method*. – 2020. – Pp. 1–20. DOI:10.5553/REM/.000046

Taekema S. Legal Philosophy as an Enrichment of Doctrinal Research. Part II, The Purposes of Including Legal Philosophy / S. Taekema, W. Van der Burg // *Law and Method*. – 2022. – Pp. 1–19. DOI:10.5553/REM/.000065

Taekema S. Relative Autonomy: a Characterization of the Discipline of Law / S. Taekema // *Law and Method. Interdisciplinary Research into Law* / Bart van Klink & Sanne Taekema (eds.). – Tübingen : Mohr Siebeck, 2011. – Pp. 33–52.

Taekema S. Theoretical and Normative Frameworks for Legal Research: Putting Theory into Practice / S. Taekema // *Law and Method*. – 2018. – Pp. 1–17. DOI:10.5553/REM/.000031

Van der Burg W. From Ethical Analysis to Legal Reform: Methodological Reflections on Ethical Transplants in Pluralist Contexts / W. Van der Burg // *De Ethica*. – 2022. – No. 7(1). – Pp. 41–59. – URL: <https://doi.org/10.3384/de-ethica.2001-8819.227141>

Van der Burg W. Law and ethics: the twin disciplines / W. Van der Burg // *Law and Method. Interdisciplinary Research into Law* / Bart van Klink & Sanne Taekema (eds.). – Tübingen : Mohr Siebeck, 2011. – Pp. 175–194.

Van der Burg W. The Merits of Law: an Argumentative Framework for Evaluative Judgements and Normative Recommendations in Legal Research / W. Van der Burg // *Archiv für Rechts und Sozialphilosophie*. – 2019. – No. 105(1). – Pp. 11–43.

Van der Burg W. The Need for Audacious Fully Armed Legal Scholars: Concluding Reflections / W. Van der Burg // *Facts and Norms in Law. Interdisciplinary Reflections on Legal Method* / Sanne Taekema, Bart van Klink & Wouter de Been (eds). – Cheltenham : Edward Elgar, 2016. – Pp. 265–286.

References

Belyaev M. A. Legal Scientific Cognition: Genesis and Epistemological Properties : PhD thesis / M. A. Belyaev. – Voronezh, 2009. – 190 p.

Hempel Carl G. Studies in the Logic of Explanation / Carl G. Hempel, P. Oppenheim // *Philosophy of Science*. – 1948. – No. 15(2). – Pp. 135–175. [In Engl.]

Taekema S. Legal Philosophy as an Enrichment of Doctrinal Research. Part I, Introducing Three Philosophical Methods / S. Taekema, W. van der Burg // *Law and Method*. – 2020. – Pp. 1–20. DOI:10.5553/REM/.000046 [In Engl.]

Taekema S. Legal Philosophy as an Enrichment of Doctrinal Research. Part II, The Purposes of Including Legal Philosophy / S. Taekema, W. van der Burg // *Law and Method*. – 2022. – Pp. 1–19. DOI:10.5553/REM/.000065 [In Engl.]

Taekema S. Relative Autonomy: a Characterization of the Discipline of Law / S. Taekema // *Law and Method. Interdisciplinary Research into Law* / Bart van Klink & Sanne Taekema (eds.). – Tübingen : Mohr Siebeck, 2011. – Pp. 33–52. [In Engl.]

Taekema S. Theoretical and Normative Frameworks for Legal Research: Putting Theory into Practice / S. Taekema // *Law and Method*. – 2018. – Pp. 1–17. DOI:10.5553/REM/.000031 [In Engl.]

Van der Burg W. From Ethical Analysis to Legal Reform: Methodological Reflections on Ethical Transplants in Pluralist Contexts / W. Van der Burg // *De Ethica*. – 2022. – No. 7(1). – Pp. 41–59. – URL: <https://doi.org/10.3384/de-ethica.2001-8819.227141> [In Engl.]

Van der Burg W. Law and ethics: the twin disciplines / W. Van der Burg // *Law and Method. Interdisciplinary Research into Law* / Bart van Klink & Sanne Taekema (eds.). – Tübingen : Mohr Siebeck, 2011. – Pp. 175–194. [In Engl.]

Van der Burg W. The Merits of Law: an Argumentative Framework for Evaluative Judgements and Normative Recommendations in Legal Research / W. Van der Burg // *Archiv für Rechts und Sozialphilosophie*. – 2019. – No. 105(1). – Pp. 11–43. [In Engl.]

Van der Burg W. The Need for Audacious Fully Armed Legal Scholars: Concluding Reflections / W. Van der Burg // *Facts and Norms in Law. Interdisciplinary Reflections on Legal Method* / Sanne Taekema, Bart van Klink & Wouter de Been (eds.). – Cheltenham : Edward Elgar, 2016. – Pp. 265–286. [In Engl.]

Для цитирования:

Беляев М. А. Правовые исследования и их контекстуализация: Рецензия на книгу “Contextualising legal research: a methodological guide” (S. Taekema, W. Van Der Burg). Cheltenham : Edward Elgar Publishing, 2024. 311 p. // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2025. № 2(11). С. 97–110.

Recommended citation:

Belyaev M. A. Legal research and its contextualization: Review of the book “Contextualising legal research: a methodological guide” (S. Taekema, W. Van Der Burg). Cheltenham : Edward Elgar Publishing, 2024. 311 pp. // *Journal of Legal Anthropology and Conflictology*. 2025. No. 2(11). Pp. 97–110.

Сведения об авторе

Беляев Максим Александрович – доцент кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), кандидат философских, доцент

E-mail: yurist84@inbox.ru

Information about author

Belyaev Maksim Aleksandrovich – Associate Professor of the Chamber of Theory of State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor

E-mail: yurist84@inbox.ru